

Александр Евстюков

г. Москва

За кулисами

Свежих следов к служебному входу ещё не было. Только мохристые лоскуты прошлогодних афиш заледелено колыхались на ветру. В безлюдном сумраке вмёрзла в снег россыпь конфетти.

Ян заставлял себя идти прямо, в нужном направлении. Этим первоянварским утром ему никак не верилось ни в нужность его охранной работы, ни в то, что уже ве-

чером кто-то здесь станет играть спектакль, ни тем более, что какой-нибудь заполошный зритель сюда придет и высидит всё представление.

От озноба трясло. Придерживая рукой готовую расколотся голову, он дошагал до служебного и прошмыгнул мимо уборщицы, как раз вынесшей ведро с пузырящейся грязью. «Светиться» было нельзя.

В караулке скосил взгляд на старый будильник. До смены оставался почти час. Прямо перед ним в полной готовности расстился мягкий удобный диван. Минут сорок пять спокойного сна, и он точно будет в полном порядке. Расстегнув до середины молнию куртки, рука вдруг ослабела, а его тело рухнуло вниз. Диван, проскрипев пружинами, смолк. Сверху убаюкивающе гудела батарея.

И Ян ощутил, как лежит, распластавшись всем телом, на горячем песке под пальмами и слышит, как ритмично накатывают волны, и вспоминает...

На объект под названием «ТЕАТР» его перевели с прежней парковки дней за десять до Нового года. Перемена эта означала умеренный ажиотаж с регулярным мельтешением смутно или даже отчётливо знакомых лиц актёров. Стремительные дефиле актрис по коридорам. Спектакли, урывками виденные от входа или из-за кулис. Короче, такую участь можно было считать завидной, если бы не...

Сквозь шелест пальм он услышал шумно втянутый в ноздри воздух. И, не открывая глаз, понял – это он, Морок. Его, Яна, прямой начальник.

Его двухметровая горилля туша где-то обучилась передвигаться почти беззвучно и, подкрадываясь, регулярно выявляла самые невероятные нарушения распорядка. Казалось, каждый такой случай возвышал его над остальными. Несоразмерно маленькая голова начинала тогда с азартом вращаться по сторонам. Губа свирепо отвисала. Глубоко сидящие под скошенным лбом глаза наливались гневом.

Все потуги оправдаться немедля пресекались:

– Когда ты СО МНОЙ говоришь, – гремел хриплый голос, отдаваясь эхом, – ты должен молчать!

«И молчи. А то заморочит любого. И штрафов не оберёшься», – делились напарники.

Теперь, учуяв явственный запах алкоголя, с особым вкусом грядущей неотвратимости, он упёр руки в бока и протрубил:

– Перегарище!..

Яновы колени сами собой подтянулись к животу.

– Да как духу хватило?! На работу! Ко мне под нос?!

Ян что-то отчаянно и бессвязно забормотал.

– Чего?! Ты мне такое... а ну, ВСТАТЬ!!!

«Да не могу я!» – беззвучный вопль заметался у Яна между горящими висками.

– Слышишь? – Морок тряхнул его за плечо.

Ян замотал головой.

Кто-то из актеров за спиной Морока замер на мгновение и, намётанным взглядом выхватив жест и типаж, упорхнул в гримёрку.

– Видишь меня? – голос прогудел в самое ухо так, что голова едва не треснула. А рука со сжатым кулаком сама устремилась навстречу звуку. Пробороздила что-то мягкое, выбритое. Вдгонку Ян сообразил, что попал не туда и не так. Весь сжался, ожидая града ответных ударов. И вместо пальм над ним уже нависли потолки больничного коридора.

Но ударов почему-то не было. Из соседней комнатухи донёсся скрип сдвигаемых по полу ножек. Что же будет, надумал изломать об него тяжёлое театральное кресло? Ну нет – это слишком. И собравшись с силами, Ян открыл оба глаза и поднял голову.

В дальнем углу соседней комнаты какая-то согнутая фигура торопливо набирала последнюю цифру номера. Это же грозный Морок?..

– ...Объект театр. Старший смены Квашнин, – его голос радостно повизгивал. – Здесь ЧП. ...меня не слушает, на предупреждение не реагирует, произвел удар кулаком по левой стороне, никаких авторитетов... д-да, новый сотрудник. Так... И какие мои действия?

Ощувив, что похмелье нежданно отступило, Ян встал с дивана и сделал твёрдый шаг в сторону Квашнина. Тот опустил телефон и, закрываясь вытянутой рукой, зашептал пляшущими губами.

«Я – что? Должность т-такая».

